

Известно, что неповторимая оригинальность и блеск языковой манеры Герцена мгновенно выдавали его перо перед современниками, под каким бы прикрытием от цензуры ни попытался он выступить в русской печати. Так, А. П. Пятковский вспоминает об обстоятельствах печатания очерков «Скуки ради» (под псевдонимом «И. Нионский») в «Неделе» в 1868—1869 гг.: «...Характерный герценовский стиль до такой степени бросался в глаза, что вскоре после напечатания в редакцию стали приходиться письма с вопросом: „Каким образом А. И. Герцен очутился сотрудником русского журнала?“»¹⁴ Как любил говаривать сам Герцен, «ex ungue leопеш»¹⁵.

Однако в рассматриваемом случае ситуация осложняется тем, что перед нами не русское, а французское произведение (да еще дошедшее до нас в сокращенной печатной редакции), где Герцен-стилист не мог проявить себя с той неподражаемой свободой и гибкостью, какую являют его русские творения¹⁶. И все же...

Разве не выступают «когти льва» с первых же незнакомых нам строк? С этого сверкающего зачина статьи — острой, легкой, лаконичной, играющей резкими контрастами слова и смысла зарисовки разных поколений путешествующих англичан? Как характерно именно для Герцена, для его произведений любого жанра это умение мгновенно, одним точнейшим штрихом схватить и закрепить навсегда для искусства духовно-психологический облик целых «кряжей», «пластов» в историческом движении современности! Здесь мы приближаемся к самому существу его видения мира, творческого мышления, о котором Тургенев с восхищением писал: «...поэтический ум, особенное умение глядеть и быстро, и глубоко...»¹⁷.

И новая мимолетная характеристика необычайно органично вписывается в общую художественную концепцию английского национального характера, создаваемую Герценом. Вспомним очерки «Из писем путешественника во внутренности Англии» и «Из воспоминаний об Англии», главы «Былого и дум» — «Эмиграции в Лондоне», «Not guilty», «Camicia rossa». Это всякий раз емкий, остро контрастный групповой образ, набросанный рукой глубокого социолога и психолога — даже когда он очерчен эскизно. Вот он охватывает на одном полюсе «трусливое чувство осторожности — следствие отучения от богатства», «робость в английской крови, внесенную капиталистами и мещанством», и на другом — «ту суровую мощь, которую народ этот отстоял свои права», показал себя «взрослой нацией» (XI, 106, 36, 124). Или в ином случае, в живой картине национальной встречи Гарибальди, «наивной простоте масс» противостоят «тайные скопы за спиной, интриги, ложь» их парламентских «опекунов, знающих хитрости замков и засовов свободы, которыми заперт народ». И этот образ «льва-быка», «доброе, сильного, упорного, но тяжелого, неповоротливого» (XI, 254—256), особенно выразителен рядом с иронически подчеркнутым утонченным сибаритством, важностью и лицемерием «дюков и лордов».

¹⁴ Пятковский А. П. Две встречи с А. И. Герценом («Наблюдатель», 1900, № 2, с. 307). Подобные письма получал и сам Герцен (например, от М. Вовчок). 27 февраля 1869 г. он писал в связи с этим Н. П. Огареву, опасаясь за судьбу «Недели»: «Много шумят — как бы не наварили каши. Вероятно, весь Петербург знает» (XXX, 47).!

¹⁵ «По когтям узнают льва» (лат.) — ср., например, III, 238; XIII, 430; XXIX, 405.

¹⁶ Известно, что Герцен постоянно был озабочен тем, чтобы его произведения, написанные по-французски, тщательно стилистически редактировались (А. Таландые, например, весной 1864 г. «поправлял слог» «Nouvelle phase de la littérature russe» — XXVII, 446; см. также XXIX, 185, 189).

¹⁷ Письмо к Герцену от 27 августа 1862 г. по поводу «Конец и начал» (Т у р г е н е в И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 тт. Письма. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, т. V, с. 38).